

К другу

Были бы мы школьниками – мы бы сели сейчас за парты,
Были бы студентами – из-за боли в висках и затылке,
Прогуляв пары,
Пошли бы сдавать бутылки –
Через дорогу от общежитий удивительно часто стоит киоск
стеклотары.

Или не пошли бы никуда вовсе, а просто спали,
Потому что всю ночь сидели в каком-нибудь пустом парке,
Потому что всю ночь гуляли с гитарой,
Но мы с тобой – стали старыми...
Это солнце взойдёт не для нас и сядет не для того, чтобы мы
на какой-нибудь крыше стояли в лучах заката
И гадали, что там – за горизонтом, за краем карты.
Это солнце взойдёт не для нас, не для нас сядет,
Хоть это и будет, как тем летом, в полдесятого –
Ты, конечно, помнишь дикие абрикосы
За лесопосадкой, в овраге, и наши посохи
Из корявых ветвей, мы спускались, опираясь ими на корни,
И как больно
Царапал лица кустарник...

Это место тогда было нашей великой тайной,
Но сначала – моей – до того, как тебе её разболтал.
Был родник – а вернее просто ручеёк
Из ржавой трубы, но её металл
Оставался ледяным даже в самый адовый солнцепёк.
Вода делала линии на наших ладонях чётче,
И тогда мы остужали свои затылки и щёки
Этими ледяными ладонями,
Пока кто-нибудь
Не спускался к нам, нарушая ровный звон комарья.
И тогда по осклизлым корням,
Цепляясь за тонкие стволы со злыми рыжими муравьями,
Перейдя по скользкой дощечке какую-то яму,
Мы с тобой попадали назад, в тот же душный мир.
Мы верили, что так и будем детьми,
Сколько бы ни прожили.
Разница между плохим и хорошим
Казалась такой понятной.
А потом вставала луна в серых пятнах
Это значило: нужно идти домой.
Говорили о будущем: город был безнадёжно скучной дырой.
А зимой мы ели сосульки, чтобы не пойти в школу,
Или целый день держали в сугробе «Колу»,
И потом всё-таки – не сразу, но заболели,
И почти две недели
Сидели дома.
Играли по телефону в шахматы,
Спорили о том, кто мы...
Говорили о лете, когда снова пойдём за шахту
Сидеть у ручья на каком-то прогнившем ящике,
Ловить ящериц...
Эта жизнь казалась тогда такой настоящей...

Жил человек.

Под этим подразумевается: подавал все признаки жизни.

Он дышал, говорил, а потом стал седым, как иней.

Он ходил на работу в сером костюме-тройке –

Каждый день – мимо троллейбусного депо и застывшей
стройки.

Он носил часы на истёртом кожаном ремешке,

А когда ремешок оторвался – носил в руке.

Каждое утро он – ещё без костюма – в семейных трусах
и майке,

Подолгу сидел на кровати, под ковром с узором из красных
маков.

А потом шёл к зеркалу – убедиться, что оно его отражает,

И что правая дужка очков действительно стала ржавой.

Он спускался по лестнице и, пройдя по ней пять ступенек,

Возвращался назад, бормоча под нос «старый пень...»,

Он опять не помнил, повернул ли он ключ в двери,

Или ключ, как вчера, остался внутри.

У него был пузатый портфель из истёртой кожи,

Иногда из него выпадала пара монет или хлебных крошек.

И однажды – Боже мой, как же это было некстати,

Из него выпал таракан и пополз по парте.

Школа, в которой он когда-то кричал и крошил между
пальцев мел,

А теперь всё больше молчал, будто онемел,

Находилась в десяти минутах ходьбы – две автобусных
остановки,

Иногда он ехал или шёл пешком, когда не болели ноги.

Он смотрел, как в витринах плывёт этот новый и странный
мир,

Он хотел улыбнуться, но лицо застывало в самой постной
из своих мин.
Его серый костюм плыл поверх манекенов магазина одежды,
И они встречали его в тех же позах, что прежде.
А однажды он, пройдя вдоль стены в непонятных граффити,
Задержался у этой витрины, чтоб увидеть себя, и вот –
не увидел...

* * *

Человек устал бежать
И присел отдохнуть.
Человека охватила
Ледяная жуть.

Человек сопротивлялся,
Усмехнулся криво,
Человека спеленали
Плакучие ивы.

Человека оплели
Колючие стебли,
А вокруг, сбивая с толку,
Закружились тени.

Протянул к нему татарник
Розовые рыльца,
Человек позвал на помощь,
Но не вспомнил лица.

Жгучий плющ опутал ноги –
Не ступить ни шагу.
Лопухи над ним захлопали
Рваными ушами.

Человек разинул рот,
Но лишился речи.
Стебли становились толще,
Шершавей и крепче.

Человек взглянул на землю –
Человек упорно
Шевельнуть хотел ногами –
Шевельнулись корни.

Человек раскинул руки –
Выпрямились ветви.
Человек закрыл глаза:
Человек не верил.

Он застыл с раскрытым ртом,
Губы затвердели,
Зубы, дёсны мхом покрылись,
Паутиной белой.

Человек состарился.
Был седым, стал лысым –
Облетели с головы
Последние листья.

Человек шагнул, ведь плющ уже
Не держал так цепко,
Но рассыпался, распался
На труху и щепки.

Он так устал от одиночества,
Что называл себя по отчеству,
Беседовал с пальто на вешалке
И спорил с собственными пешками.

Выигрывал у куртки в шахматы,
Учил пиджак китайской грамоте,
Он помирился с тараканами
И уступил им шкаф и ванную.

Писал стихи корявым дактилем,
Рисуя хилых птеродактилей,
Кружащихся в небесном танце
На неоплаченных квитанциях.

Он так устал от одиночества,
Что как-то раз, проснувшись ночью,
Помчался на вокзал, колеблясь:
«Куда?» Но сел не в тот троллейбус.

Он так устал от одиночества...
Поймал машину на обочине:
«Туда, где жизнь лишь начинается».
Сказали: «Нет такого адреса».

А утром в кассе брал билет:
«Туда, где мне семнадцать лет» —
«Куда?» — переспросили холодно,
Сказали: «Нет такого города».

Поймал на площади такси:
«Свободен, шеф? Так отвези

Туда, где молодость и май».
«А деньги есть? Ну, залезай...»

Стояли в пробке два часа,
Потом пошли поля, леса...
Почувствовал: уже вблизи!
Но тут вдруг кончился бензин.

* * *

Осень – солнце, спустившееся на землю,
Обжившее кроны, распластавшееся в траве.
Будет здесь до зимы, а хотело остаться навек.
Был бы солнечный век. Солнечный – значит осенний.

Может быть, тебе холодно здесь, солнце?
Что ты ищешь, касаясь деревьев – всех, кроме сосен?

Ты не можешь согреть нас, а может – тебя согреть?
Я согрею...
Соберу все опавшие листья в огромный букет
И поставлю дома у батареи.

